

СОВЕТСКАЯ И БОЛГАРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АПРЕЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1876 г. В БОЛГАРИИ

С. И. Сидельников

Апрельское восстание 1876 г. было самым выдающимся событием в истории национально-освободительного движения болгарского народа против пятивекового турецкого господства.

За сто лет, прошедших со времени восстания, о нем написано несколько сот исследовательских и научно-популярных работ как буржуазными учеными, так и историками-марксистами. В Советском Союзе и Болгарии имеются историографические работы, в которых анализируется литература, посвященная общим проблемам национально-освободительного движения болгарского народа против турецкого господства, его движущим силам, борьбе течений в нем, классовому составу болгарского общества в тот период и др.¹ Все эти труды имеют определенное отношение и к историографии Апрельского восстания. Что же касается историографических работ, посвященных непосредственно этому событию, то можно отметить только работу М. Велевой, в которой анализируется трехтомная монография буржуазного историка Д. Т. Страшимирова². Имеется также множество рецензий на отдельные труды по истории восстания. Однако специальных исследований, в которых был бы подведен итог изучения этой большой и сложной проблемы, до настоящего времени нет.

Апрельское восстание 1876 г. привлекало внимание большинства болгарских историков начиная с конца 70-х годов XIX века. Изучение этой проблемы в буржуазной историографии можно разделить на два больших периода, каждый из которых делится, в свою очередь, на несколько этапов. Первый период — от освобождения Болгарии до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, а второй — до второй мировой войны. На первом этапе, совпадавшем в Болгарии с периодом перерастания капитализма в империалистическую стадию, среди историков и особенно авторов воспоминаний было много участников революционного движения против турецкого господства, которые сохраняли свои прогрессивные буржуазно-демократические взгляды. Они про-

¹ Важнейшие из них: А. С. Бейлис. Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX в. до социалистической революции 1944 г.). Проблемы болгарского возрождения. Львов. 1970; П. Цанев. Марксистската историческа наука в България, 1885—1944. Историко-библиографически очерк София (далее — С.). 1972; Т. Павлов. За марксистска история на България. Статии, доклади, изказвания, рецензии. 1938—1954. С. 1954; «Първи конгрес на Българското историческо дружество. 27—30 януари 1970 година Т. I. С. 1972. См. доклады Д. Косева, Ж. Натана, И. Унджиева, М. Велевой, Н. Генчева, К. Косева; «Проблеми на българската историография след втората световна война (материали от научната конференция по случай 70 годишнината от основаването на Българското историческо дружество. 20 и 21 май 1972 г.)». С. 1973. См. доклады в секции «Възраждане» (стр. 265—394). В отмеченных докладах и монографиях подведен итог историографических исследований по интересующей нас проблеме и указана вся предшествующая литература вопроса. Библиография работ по истории восстания собрана в книгах: Цв. Минкова и З. Нонева. Априлското въстание 1876. Кратка препоручителна библиография по случай 80 годишнината на въстанието. С. 1956; «Априлското въстание 1876 г. Препоручителна библиография по случай 90 годишнината на въстанието». С. 1966.

² М. Велева. Д. Страшимиров — историк на българското възраждане «Исторически преглед» (далее — «ИП»), 1967, № 1; ее же. Димитър Страшимиров. Историкографически очерк. С. 1972, стр. 69—130, 154—183.

должали с симпатией относиться к революционному движению вообще и Апрельскому восстанию в особенности. Но одновременно уже в этот период в работах некоторых буржуазных историков постепенно усиливались консервативные тенденции, выражавшиеся прежде всего во враждебном отношении к революционному движению широких народных масс. Во втором периоде, когда капитализм вступил в эпоху всеобщего кризиса, для которого характерно общее усиление реакционности буржуазии, эти тенденции в буржуазной историографии стали преобладающими, что и нашло свое яркое выражение в ряде работ по истории Апрельского восстания.

В конце XIX — начале XX в. в периодических изданиях Болгарии и России, а также отдельными книгами и брошюрами публиковались многочисленные воспоминания участников и современников восстания. В некоторых работах полумемуарного характера (М. Дринов, Ст. Заимов, А. Бояджиев и др.³) наряду с личными использовались воспоминания других участников восстания и некоторые документальные материалы. В 1884—1892 г. было издано три тома «Записок о болгарских восстаниях» З. Стоянова⁴, многократно переиздававшиеся как в Болгарии, так и в СССР. «Записки» представляют собой воспоминания активного участника восстания, сообщающего много достоверных, подтверждаемых документальными данными сведений. В них развернута широкая и яркая картина подвига народа в ходе Апрельского восстания. Особенно впечатляюще описана деятельность Г. Бенковского.

В эти же годы были изданы исторические труды Г. Г. Димитрова, Хр. и П. Гьбенских, Н. Хр. Петлешкова и Ив. Иеремиева, Хр. Маркова и других⁵, при написании которых использовались воспоминания участников и очевидцев восстания, а также документальные и другие источники. Особенностью этих работ было то, что в них, как правило, описывались события, происходившие в отдельных городах или повстанческих районах. В подавляющем большинстве этих работ наряду с использованием очень важных фактических данных, так же как и в мемуарной и

³ М. С. Дринов. Болгария накануне ее погрома. «Славянский сборник». Т. 2. СПб. 1877, отд. 3, стр. 23—45; А. Мишев. Боят около Брацигово в 1876 г. Пловдив 1881; Бойчо (П. Горанов). Въстанието и клането в Батак. Пловдив. 1892; Ст. Заимов. Етюди върху записките на Захари Стоянов. С. 1895; П. Франгов. Белоцерковската чета в Дряновския манастир през 1876 година. Второ, дополнено издание. Търново. 1896; Н. Беловеждов. Първата пушка за Априлското въстание. Записки по копривнешкото въстание в 1876 година. С. 1901; А. Д. Бояджиев. Иваница Данчев. Живота и поборническа му дейност в свръзка с движението на Ботевата чета през 1869—1876. Варна. 1901; Г. Натев. Защита на Перушица през 1876 година. Пловдив. 1901, и др.

⁴ З. Стоянов. Записки на българските въстания (1870—1876 гг.). Т. I. Пловдив. 1884; Т. II. Русе. 1887; т. III. Затвори. С. 1892. Это первое издание многократно переиздавалось. О деятельности З. Стоянова, его работах и особенно о «Записках» существует обширная литература. Важнейшие работы: Д. Благоев. Нашите апостоли (Захари Стоянов като публицист, революционер, апостол и патриот). С. 1886 (см. также; Д. Благоев. Съчинения. Т. I. С. 1957); Хр. Христов. Отношението на Зах. Стоянов към българското националнореволюционно-демократично движение и към социализма. «ИП», 1947, кн. 2; М. Димитров. Захари Стоянов като биограф на Ботева. «Известия на Института Христо Ботев». Кн. I. С. 1954; Н. Т. Сапронова. Захари Стоянов как историк и политический деятель. Воронеж. 1954 (Автореф. канд. дисс.); е е ж е. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии в освещении Захария Стоянова. «Сборник научных статей» Барнаульского пединститута. Вып. 3. Барнаул. 1958; П. Пондев. Книга за народната съдба. «Литературна мисъл», 1962, кн. 5; М. Велева. Захари Стоянов — историк (120 години от рождението му). «Векове», 1972, кн. 1.

⁵ Г. Г. Димитров. Княжество България в историческо, географическо и етнографическо отношение. Ч. II. Пловдив. 1894, стр. 398—521; Черновежд. Кратко описание на Панагюрското въстание. Средец. 1893; Хр. Гьбенски и П. Гьбенски. История на града Габрово и габровските въстания. Габрово. 1903; М. Т. Влайков. Бележки върху икономическото положение на града Панагюрище преди и след въстанието. Пловдив. 1904; М. Хр. Петлешков и Ив. К. Иеремиев. История на Брациговското въстание. Пловдив. 1905; Хр. Марков. История на 9-те дни в Дряновския манастир. 1876. Търново. 1912, и др.

полумемуарной литературе, допускалось множество преувеличений и неточностей, а иногда и прямых искажений хода событий. Их научно-исследовательский уровень был невысок. Это же можно сказать и о биографических работах З. Стоянова, Н. Начова и других⁶, содержащих, впрочем, значительный фактический материал.

Для всех вышеперечисленных работ в большей или меньшей степени была характерна классовая ограниченность их авторов, которые не смогли раскрыть объективные закономерности социально-экономического развития Болгарии в период турецкого господства и дать всестороннее научное объяснение причин возникновения, характера и поражения Апрельского восстания. Но одновременно с этим в отличие от буржуазных историков межвоенного периода большинство отмеченных выше авторов не занимало резко отрицательную позицию в отношении революционного течения в национально-освободительном движении болгарского народа. Они положительно оценивали значение восстания и, как правило, восторженно относились к подвигам его участников.

В 1907 г. в Пловдиве была опубликована трехтомная монография крупнейшего буржуазного историка национально-освободительного движения болгарского народа Д. Т. Страшимирова, в которой был подведен итог предшествующей работы по изучению истории Апрельского восстания⁷. По обилию собранного фактического материала, его систематизации, подробнейшему изложению подготовки и хода восстания монография не имела себе равных. Автор в основном положительно относился к вооруженным выступлениям против турецкого господства и считал Апрельское восстание «величайшим событием в истории болгарского народа» (т. III, стр. 351). Однако в монографии ярко проявилась буржуазная ограниченность автора, который игнорировал социально-экономические причины восстания и отрицал наличие классовых противоречий в болгарском обществе того времени. Поэтому он рассматривал восстание только как чисто национальное движение. Так, Д. Страшимиров подробно излагал противоречия, существовавшие между Г. Бенковским и некоторыми руководителями Панагюрского революционного комитета, так как последние, по его мнению, были недовольны диктаторскими замашками Бенковского (т. II, стр. 198—242, 259—267). Но при этом он полностью игнорировал тот факт, что в основе этих разногласий лежали классовые противоречия между революционным демократом Бенковским и либерально-буржуазной группировкой, примкнувшей в этот период к революционному движению, чтобы возглавить его и подчинить своим узкоклассовым интересам.

При изложении фактического материала о подготовке и особенно ходе восстания Д. Страшимиров часто напоминал о предательстве отдельных представителей чорбаджийства (туркофильски настроенной части торгово-ростовщической буржуазии) и выражал свое возмущение этими фактами. Однако он утверждал, что такие факты были единичными, повинны были в этом только отдельные чорбаджии и что в целом восстание было выражением единого порыва всего народа, независимо от имущественных и политических различий (т. II, стр. 18—22, 29—30 и др.). Фактический материал вынуждал Д. Страшимирова отмечать постоянные противоречия между революционерами и чорбаджиями. Однако эти противоречия он объяснял тем, что восстание было плохо подготовлено и поэтому выступления чорбаджиев и других умеренных группировок были вполне оправданны (т. III, стр. 235—236, 279 и др.). Он даже утвер-

⁶ З. Стоянов. Христо Ботйов (Опит за биография). Русе. 1888. Другие изд.: Русе. 1891; С. 1919, 1940, 1946, 1965 1966 гг.; И. Г. Бакалова. Стефан Иванов Пешев. С. 1901; Д. Маринов. Стефан Стамболов и новейшата ни история. С. 1909; Н. Начов. Бачо Киро Петров. Живот и дело. С. 1910; его же. Христо Ботйов. С. 1918.

⁷ Д. Т. Страшимиров. История на Априлското въстание. Т. I. Предыстория; т. II. Приготовления; т. III. Въстание и пепелища. Пловдив. 1907.

ждал, что «не только богатый класс, но и крестьянство было еще чуждо идее восстания» (т. I, стр. 352). По его мнению, «требовалось еще 30 или 50 лет борьбы за внутренние преобразования для того, чтобы окончательно подготовить почву для массового народного восстания» (т. I, стр. 353).

Стремясь как-то примирить свое преклонение перед подвигом повстанцев с одобрением политики либеральных группировок буржуазии, выступивших против восстания, он писал, что ход событий оправдал поведение обеих группировок. Военно-организационная слабость восстания подтвердила, по его мнению, правоту умеренных группировок, доказывавших, что восстание не подготовлено (т. III, стр. 235—236). В то же время Страшимиров считал, что освобождение Болгарии в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. оправдало расчеты руководителей восстания, поднявших недостаточно подготовленное вооруженное восстание, понимавших, что турецкое правительство жестоко расправится с его участниками (т. I, стр. 354—355), но добившихся самим актом выступления вмешательства России в обострившийся Восточный кризис.

В период между двумя мировыми войнами наблюдалось значительное ослабление интереса буржуазных историков к изучению Апрельского восстания. Большинство болгарских историков занимало тогда националистические, шовинистические, полуфашистские или открыто фашистские позиции и пыталось доказать, что национальное революционное движение, наивысшим выражением которого было Апрельское восстание, не только не принесло болгарскому народу никакой пользы, но, напротив, помешало нормальному его просвещению, привело к огромным бессмысленным жертвам и разрушению целых городов и сел⁸. Даже отдельные участники революционного движения 70-х годов XIX в., еще остававшиеся в живых, подхватили эту антинародную концепцию. Так, И. Андонов, похвалявшийся своей ненавистью к коммунизму, стремился доказать, что В. Левский и Хр. Ботев были всего лишь националистами, борющимися за создание болгарского царства⁹.

Отрицательным отношением правящей верхушки и историков, выражавших ее интересы, к революционному движению и следует объяснить то обстоятельство, что в тот период не было написано ни одной обобщающей работы по истории Апрельского восстания. Соответствующие разделы обобщающих работ Н. Станева, И. Орманджиева и небольшая статья И. Венедикова¹⁰ не содержали ничего нового и представляли собой научно-популярный рассказ о ходе восстания, заимствованный из монографии Д. Страшимирова. Однако в отличие от этого крупного буржуазного ученого все они отрицательно относились к вооруженной борьбе народа. Поэтому история восстания освещалась главным образом в мемуарной литературе и небольших работах, в которых рассказывалось о событиях в отдельных населенных пунктах.

Из воспоминаний участников восстания, опубликованных в тот период, наибольший интерес представляют воспоминания К. Величкова, М. Анкова и особенно Н. Обретенова¹¹. Н. Обретенову принадлежала

⁸ Б. Йоцов. Път на българското възраждане. «Родна реч», 1938, кн. 5, стр. 16—21; его же. Записките на Захари Стоянова. З. Стоянов. Записки на българските въстания. С. 1942, стр. XXVIII—XXIX, XXXV—XLI. Подробнее об этом см.: Е. Бу ж а ш к и. Буржуазнофашистски фалсификации на българското националнореволюционно движение. «ИП», 1950—1951, № 2, стр. 45—47.

⁹ И. Андонов. Из спомене ми от турско време. Ч. I. Пловдив. 1920, стр. 5—8, 74—82.

¹⁰ Н. Станев. България под иго, възраждане и освобождение. 1393—1878. С. 1928, стр. 370—428; И. Венедиков. Възстанието. «България 1000 години. 927—1927». С. 1930, стр. 891—920; И. Орманджиев. Нова и най-нова история на български народ. Завети. С. 1945, стр. 359—378.

¹¹ К. Величков. В тъмница и други спомене. С. 1931; «Спомене на Мито Анков. За размирните години (1872—1878)». С. 1936, стр. 20—80; Н. Обретенов. Спомени за българските въстания. С. 1942, стр. 206—323.

активная роль в подготовке восстания в Северо-Западной Болгарии, создании четы Хр. Ботева и ее походе. Сообщаемые им сведения, как правило, отличаются большой достоверностью и подкрепляются многочисленными документами.

Из работ, посвященных событиям в отдельных повстанческих центрах, выделяются два юбилейных сборника о событиях в Брацигово и Копривштице¹², а также небольшие работы А. Жекова, И. Кепова, Н. Михлюзова, Ив. Марангозова и другие¹³. Каждая из них содержит сравнительно подробный рассказ о восстании в том или ином населенном пункте. Все они носят по преимуществу научно-популярный характер. Их авторов, как правило, характеризует неумение критически анализировать источники, что обусловило большое число ошибок при изложении хода событий. Для всех этих работ характерно стремление затушевать классовые противоречия и классовую борьбу. Все это полностью относится также и к кратким биографическим очеркам о В. Петлешкове и Ц. Дюстабанове¹⁴.

Таким образом, буржуазная исторнография, накопив большой фактический материал по истории Апрельского восстания, не сумела объяснить глубинные социально-экономические и политические процессы, происходившие в Болгарии XIX в. и обусловившие это восстание. Буржуазные историки совершенно не занимались такими принципиальными вопросами, как характер движущих сил восстания и расстановка классовых сил в нем. Руководствуясь идеалистическими концепциями, они не смогли дать научного объяснения причин поражения восстания и его места в истории национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Родоначальником болгарской марксистской исторической науки был первый пропагандист марксизма и основатель революционной марксистской партии в Болгарии Д. Благоев. Со второй половины 80-х годов XIX в. он начал борьбу против буржуазных и особенно буржуазно-националистических искажений истории болгарского национально-освободительного движения. В брошюре «Наши апостолы», ряде статей и особенно в работе «К истории социализма в Болгарии» Д. Благоев дал глубокий и всесторонний анализ социально-экономического и политического развития страны до освобождения и убедительно показал, что болгарское возрождение представляло собой период разложения феодальных, формирования и развития капиталистических отношений, вызревания буржуазно-демократической революции, высшим этапом которой и являлось Апрельское восстание. В его работах была дана четкая классовая оценка различных течений в национально-освободительном движении вообще и внутри революционного движения накануне восстания в особенности¹⁵.

¹² «Юбилейна книга по случай петдесетгодишнината на Априлското възстание през 1876 г. Брациговски възстанчески пункт». Брацигово. 1926; «Юбилейен сборник по миналото Копривштица». С. 1926.

¹³ А. Жеков. На борбите в Дряновския манастир. По случай 50 години от Априлското възстание 1876—1926. Търново. 1926; И. Стратев. Подготовка на въстанието в Горнооряховската околия. Горна Оряховица. 1926; И. Г. Бакалов. Спомени и разкази за възраждането в с. Батошево и дейноста на Габровската чета там в 1876 години. С. 1926; Хр. Ф. Попов. Град Клисуря в Априлското възстание. С. 1926, стр. 23—96; И. Венедиков. История на въстанието в Батак 1876 г. С. 1929; Ив. Кепов. Въстанието в Перушица през 1876 година. Пловдив. 1931, стр. 60—282; Н. Михлюзов. Панагюрското въстание през 1876 г. и борбите за освобождението на България. Пловдив. 1934; Ив. Марангозов. Новоселското въстание. Осемдневната борба под Марка Гидик. С. 1937, и др.

¹⁴ Ив. К. Иеремиев. Васял Ангелов Петлешков (роден Н. Велчев). Брацигово. 1927; П. Цончев. Цанко Христов Дюстабанов. По случай 50 годишнината от неговото обесване. С. 1926; К. Димитров. Цанко Дюстабанов — воеводата на Габровското възстание през 1876 година. Габрово. 1936.

¹⁵ Д. Благоев. Нашите апостолы; его же. Христо Ботев (Реч, приготвена по случай отпразнуването от пловдивските ученици паметта на Ботева на 18 май т. г.).

Д. Благоев впервые обратил внимание на то обстоятельство, что после поражения Старозагорского восстания 1875 г. значительная часть буржуазных деятелей, примыкавших к революционному движению, потеряла веру в возможность освобождения Болгарии только силами народной революции. Поэтому она рассматривала подготовлявшееся восстание всего лишь как одно из средств, способных вызвать вмешательство европейских государств, особенно России, и привести к освобождению Болгарии от турецкого господства¹⁶.

Основные положения, выдвинутые Д. Благоевым, нашли дальнейшее развитие в сочинениях виднейших его соратников и руководителей Болгарской коммунистической партии (БКП) Г. Димитрова и В. Коларова, а в последние годы в статьях и выступлениях Первого секретаря ЦК БКП, председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии Т. Живкова. Особено велико значение статей и выступлений Г. Димитрова для правильного понимания мировоззрения Хр. Ботева и других руководителей революционного движения¹⁷. В работах В. Коларова, и особенно в его специальной статье об Апрельском восстании, была четко определена расстановка классовых сил, сложившаяся в Болгарии накануне восстания, и убедительно показана протурецкая политика умеренно-монархических, чорбаджийских группировок болгарской буржуазии и их враждебное отношение к революционному движению в период восстания¹⁸. Он специально обращал внимание на то обстоятельство, что даже наиболее прогрессивная часть торгово-промышленной буржуазии, принимавшая участие в национально-освободительном движении, не пошла дальше буржуазного либерализма. Стремясь добиться руководящего положения в освободительном движении, «она шла на компромисс с чорбаджийством и духовенством»¹⁹.

В межвоенный период вместе с руководителями БКП идейно-теоретическую борьбу с реакционной националистической и фашистской идеологией на историческом фронте вели выдающиеся историки-марксисты Г. Бакалов, Т. Павлов, Ж. Натан и М. Димитров. Выдающийся публицист, литературный критик и историк-марксист Г. Бакалов в своих многочисленных научно-популярных работах выступал против буржуазных фальсификаторов истории болгарского национально-освободительного движения вообще и революционного движения и Апрельского восстания в особенности²⁰. В его работах был дан глубокий анализ социально-

Съчинения. Т. 1, стр. 281—299; его же. Христо Ботев като поет и журналист (критически опит — Д. Т. Страшимиров). Съчинения. Т. 4, стр. 376—395; его же. Принос към историята на социализма в България. С. 1956, стр. 18—55; его же. Социализмът и работническият въпрос в България. «Избрани произведения в два тома». Т. I, стр. 186—204; его же. Една епопея на буржуазния национализъм. «Избрани произведения». Т. II, стр. 335—346.

¹⁶ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България, стр. 43—44.

¹⁷ Г. Димитров. Накъде върви България. Съчинения. Т. 11, С. 1954, стр. 12—124; его же. Всичко за фронта, стр. 151—156; его же. Да се учим и да работим, стр. 360—361; его же. Христо Ботев е знаме, което все повисоко ще се развява над нова, демократична България. Съчинения. Т. 12. С. 1954, стр. 204—205; его же. За ролята и задачите на сп. «Философска мисъл». Отговор на давани от редакцията въпроси. Там же, стр. 305—310.

¹⁸ В. Коларов. Върху Апрельското въстание. «Съвременник», 1945, № 13; его же. Освобождението на България от турското робство. С. 1948.

¹⁹ В. Коларов. Върху Апрельското въстание... стр. 573.

²⁰ Рассматриваемые работы Г. Бакалова издавались в 1934—1938 гг. отдельными брошюрами, которые к настоящему времени превратились в библиографическую редкость. Поэтому большую часть этих работ мы цитируем по более поздним сборникам: Г. Бакалов. Избрани исторически произведения. С. 1960 (важнейшие из них: «Христо Ботев»; «В защита на Христо Ботев»; «Априлското въстание и Бенковски»; «Оборище»; «Бачо Киро»; «Двете линии в българското възраждане»; «Заветите на българското възраждане»); Г. Бакалов. Очерки по българското национально-революционно движение. С. 1936, стр. 3—7, 95—147, 154—157. См. Ж. Натан. Мястото на Георги Бакалов в развитието на марксистско-ленинска историография. «ИП». 1949, № 6; его же. Г. Бакалов като историк-марксист. В кн.: Г. Бакалов. Избрани исторически произведения.

экономических и политических причин восстания. Он рассматривал его как высшую точку революционного движения широких народных масс, руководимого Болгарским революционным центральным комитетом, созданным В. Левским и возглавлявшимся в тот период Хр. Ботевым. Он убедительно показал основные движущие силы восстания, отметив антинародную, предательскую деятельность чорбаджийства в период подготовки и непосредственного хода восстания. В работах Г. Бакалова было доказано, что наиболее последовательными участниками восстания были крестьяне, ремесленники, беднота и часть интеллигенции, особенно учителя. «Кто эти крестьяне,— писал он,— из которых никто не оставил своего имени, хотя каждый из них был истинным героем народного освобождения? Это были герои, которые своей активностью творили историю Болгарии. Идеал масс: свобода и народное управление, достигнутые самоотверженной борьбой,— вот истинный завет болгарского возрождения»²¹. Г. Бакалов постоянно подчеркивал, что примыкавшие к восстанию представители средней торгово-промышленной буржуазии составляли наиболее колеблющуюся часть повстанцев, начиная с народного собрания в Обориште, когда они впервые выступили против Г. Бенковского и его сторонников, и кончая героическими боями масс против превосходящих сил противника, когда они своим малодушием, нерешительностью, стремлением вести переговоры с противником за спиной восставших ослабляли волю повстанцев к борьбе.

В 1938 и 1939 гг. были опубликованы две крупные работы Ж. Натана по истории социально-экономического и политического развития Болгарии в период турецкого господства²². В исследовании об экономическом развитии Болгарии на основе привлечения обширного фактического материала была продолжена аргументация тезиса Д. Благоева, что основой болгарского национально-освободительного движения был процесс разложения феодальных и развития капиталистических отношений. В монографии «Болгарское возрождение» наибольший интерес представляет исследование расстановки классовых сил и борьбы течений в болгарском национально-освободительном движении. В этих работах были и спорные утверждения, но они не меняют положительного значения трудов Ж. Натана, которые способствовали более глубокому пониманию причин, обусловивших Апрельское восстание, и его характера.

В межвоенный период в тесном сотрудничестве с болгарскими историками-марксистами проходил процесс становления советской болгаристики. В 20-х—30-х годах плодотворно трудился в этой области виднейший советский славяновед акад. Н. С. Державин. Для правильного понимания социально-экономических причин Апрельского восстания определенное значение имела его статья о развитии капитализма в Болгарии²³. Значительный интерес представляла также первая советская биографическая работа о Хр. Ботеве, написанная Е. З. Волковым²⁴. При всем ее несовершенстве в плане методологическом и фактологическом в ней впервые в литературе был приведен большой фактический материал о русско-болгарских революционных связях в период подготовки и хода Апрельского восстания, в центре которых стоял Хр. Ботев.

В послевоенные годы, когда в болгарской исторической науке развертывался процесс методологической перестройки, протекавший в острой борьбе с пережитками буржуазной идеологии, для болгарских

²¹ Г. Бакалов. Избрани исторически произведения, стр. 358.

²² Ж. Натан. Икономическа история на България. С. 1938; его же. Българияското възрождение. С. 1939.

²³ Н. С. Державин. К истории капитализма в Болгарии. «Историк-марксист», 1941, № 1.

²⁴ Е. З. Волков. Христо Ботев. «Списание на Българската академия на науките». Кн. XV. С. 1921; его же. Христо Ботев. (На заре балканского революционного коммунизма). М.-Пгг. 1923, стр. 193—228 (в 1929 г. эта книга была издана в Софии в переводе на болгарский язык).

историков особенно большое значение имел опыт советской исторической науки. В специальных исследованиях Н. С. Державина, С. А. Никитина и других советских ученых и в соответствующих разделах обобщающих трудов по истории Болгарии²⁵ были определены социально-экономические и политические причины Апрельского восстания, его движущие силы, классовые позиции основных течений, боровшихся за руководство восстанием, дана четкая характеристика расстановки классовых сил накануне и в период восстания, показаны причины его поражения и его значение. Достижения советских историков в разработке общеметодологических вопросов облегчали решение задачи по написанию обобщающих трудов по истории восстания.

В 50-х годах в Болгарии было опубликовано несколько работ, носивших преимущественно научно-популярный характер²⁶. В них хотя и очень кратко, но с марксистских позиций были освещены все важнейшие события истории восстания. Работа известного болгарского историка Хр. Гандева по своему объему и глубине исследования значительно отличается от всех других и может рассматриваться как первая сравнительно удачная попытка всесторонне осветить причины восстания, его ход, причины поражения и значение. Однако в ней был выдвинут и ряд спорных положений относительно масштабов капиталистического производства в Болгарии перед восстанием, а также характеристики различных прослоек болгарской буржуазии в тот период²⁷.

К 90-летию Апрельского восстания в Болгарии были опубликованы материалы юбилейной научной сессии, научно-популярная работа К. Косева и Н. Жечева, а в СССР впервые защищена кандидатская диссертация В. П. Чорний на эту тему²⁸. Сборник докладов и сообщений на научной конференции, посвященной 90-летию восстания, является до сих пор наиболее значительной болгарской публикацией по истории Апрельского восстания. Сборник открывается докладом Д. Косева, в котором дан анализ характера движущих сил и основных этапов развития болгарской национально-демократической революции, высшим этапом которой и было восстание 1876 года. В нем убедительно показано, что «крестьяне... вместе с ремесленниками и городскими трудящимися массами были главной движущей силой болгарской национальной революции» (стр. 10). Д. Косев считает неправильным положение, что болгарская революция была демократической, крестьянской по существу и национальной по форме, так как «задачи революции сливались в одну общую национально-демократическую задачу. Вот почему наша революция по характеру и содержанию была национально-демократической» (стр. 11).

²⁵ Н. С. Державин. Лекции по българската история (четени през зимата на 1943/44 г. в Москве). С. 1946. стр. 250—310; его же. История Болгарии. Т. IV. Национально-освободительное движение в Болгарии (от конца XVIII в. до 1877 г.). М.-Л. 1948, стр. 7—67, 155—219; его же. Христо Ботев. Поэт-революционер. 1848—1876. М.-Л. 1948; С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М. 1953; «История Болгарии». Т. I. М. 1954, стр. 262—292; Л. Б. Валев. К характеристике социально-политических взглядов Христо Ботева. «Вопросы истории», 1948, № 11; его же. Социально-политические воззрения Христо Ботева. «Ученые записки» Института славяноведения АН СССР (далее—«УЗИС»), т. II, 1950, стр. 95—105; Н. Г. Левинтов. Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», и др.

²⁶ Н. Кондарев. Апрельското въстание (Изводи и поуки). С. 1947; С. Каракостов. Народно-Априлското въстание. С. 1951; Д. Класанова. Апрельското въстание. С. 1953; А. Цвятков. Героичното Апрельско въстание. С. 1956; А. Кучелски. Народният героизъм в Апрельското въстание. С. 1958, и др.

²⁷ Хр. Гандев. Апрельското въстание. С. 1956, стр. 41—43, 49—51. Изд. 2. С. 1974.

²⁸ «Априлското въстание. 1876—1966. Доклади и изказвания на юбилейната научна сесия в София». С. 1966; К. Косев, Н. Жечев. Апрельското въстание 1876. С. 1966; В. П. Чорний. Апрельское восстание в Болгарии 1876 года. Автореф. канд. дисс. Львов. 1966.

Весьма важен анализ Д. Косевым позиций буржуазии в национально-демократической революции. Он доказывает, что на ее первом этапе, когда развертывалось массовое движение за национальное просвещение и национальную церковь, буржуазия возглавила эту борьбу. В 60-е годы XIX в., когда национальная революция вступила во второй этап и болгарские революционные демократы — Раковский, Левский, Каравелов и Ботев — «начали открытую пропаганду революционных идей и приступили к созданию организованного национально-революционного движения, к подготовке народной революции как естественного пути завоевания национальной независимости, тогда именно буржуазия изменила народу и выступила против революции, выдвинув идеи освобождения только путем мирного просвещения или с иностранной помощью» (стр. 12). «Главная причина отрицательного отношения буржуазии к национально-революционному движению заключалась в том, — пишет Д. Косев, — что вплоть до освобождения она оставалась экономически слабой, политически ограниченной, трусливой, склонной к соглашательству с врагами народа, неспособной на серьезный риск и жертвы во имя национальной революции... как класс болгарская буржуазия оказалась неспособной пойти дальше борьбы за национальное просвещение и церковь» (стр. 16). Отрицательное отношение буржуазии к восстанию было, по мнению Косева, «главной причиной слабой подготовки восстания и его неудачи» (стр. 16). Д. Косев подчеркивает массовый, народный характер восстания, решимость народа добиться полного политического освобождения. Много нового в исследование отдельных аспектов восстания вносят доклады и сообщения Хр. Христова, И. Унджиева, Р. Стояновой, Б. Чолпанова, Кр. Шаровой и других.

В книге К. Косева и Н. Жечева очень кратко, в научно-популярной форме, изложены события, связанные с историей восстания. Трактовка некоторых вопросов — социально-экономическое развитие Болгарии перед восстанием, расстановка классовых сил в национально-освободительном движении вообще и в ходе Апрельского восстания в особенности — опирается на исследования, осуществленные К. Косевым (его монография была опубликована несколько позднее²⁹), и является определенным вкладом в их решение.

Кандидатская диссертация В. П. Чорния, основное содержание которой изложено им в статьях и сообщениях³⁰, представляет собой первую в советской историографии попытку исследовать все основные проблемы, связанные с возникновением, ходом и поражением Апрельского восстания. Оценка автором деятельности Гюргевского революционного центрального комитета и мировоззрения некоторых руководителей Апрельского восстания представляется спорной, поскольку преувеличено влияние буржуазной группировки С. Стамболова на составление плана восстания и других программных документов, разработанных Гюргевским комитетом. Недостаточно обоснованным является также утвержде-

²⁹ К. Косев. За капиталистическое развитие на българските земи през 60—70-те години на XIX в. С. 1968.

³⁰ В. П. Чорній. До питання про роль Гюргівського комітету в підготовці Квітневого повстання в Болгарії. «Доповіді та повідомлення Львівського університету». 1958. Вип. VIII, ч. I; его же. Болгарська еміграція в період підготовки Квітневого повстання. «Питання загальної історії». Львів. 1959; его же. Реакційна роль чорбаджійства, великої буржуазії та вищого духовенства напередодні і під час Квітневого повстання в Болгарії. «Наукові записки Львівського університету». Т. 43, вип. 7; его же. Економічне становище трудящих мас Болгарії в 50—70-х рр. XIX ст. «Українське слов'янознавство» (далее — «У. сл.»), Львів, 1970, вип. 2; его же. Економічно і політичне становище Болгарії напередодні Квітневого повстання (1876). «У. сл.», 1970, вип. 4; его же. К вопросу о возникновении революционной ситуации в Болгарии в середине 70-х годов XIX в. «Вопросы первоначального накопления и национальное движение в славянских странах». М. 1972; его же. Про деякі дискусійні питання історії Квітневого повстання в Болгарії (1876). «У. сл.», 1974, вип. 10, и др.

ние В. П. Чорния, что большинство его членов принадлежало к числу типичных буржуазных революционеров.

К работам обобщающего характера можно отнести главы академических изданий по истории Болгарии и лекции Д. Косева, посвященные истории Апрельского восстания³¹. И все же до настоящего времени ни в болгарской, ни в советской исторической науке еще нет обобщающего монографического труда, в котором бы было проведено всестороннее и глубокое марксистско-ленинское исследование истории Апрельского восстания. Вместе с тем в советской и болгарской литературе имеются сотни статей и сообщений об отдельных, частных вопросах истории этого восстания. Большая заслуга марксистско-ленинской исторической науки двух последних десятилетий состоит в том, что в центре всей исследовательской работы советских и болгарских историков, изучающих историю Болгарии в период турецкого господства, стояли причины и предпосылки восстания. В результате этого достигнуты значительные успехи в изучении глубинных социально-экономических процессов, происходивших в Болгарии в то время.

Историки, исследующие аграрные отношения в Болгарии в тот период, в основном преодолели существовавшие в 40-х—50-х годах разногласия в определении особенностей развития феодальных отношений в Османской империи и в Болгарии как одной из ее составных частей. Основные выводы, к которым пришли в своих исследованиях советские (В. Д. Конобеев, Н. Г. Левинтов и др.) и болгарские (Ст. Димитров, Хр. Христов, Ф. Милкова и др.)³² историки, сводятся к следующему. Турецкое аграрное законодательство 30-х—70-х гг. XIX в. уничтожило военно-ленную систему; формально признавало частную собственность на землю с правом передачи ее по наследству не только за турецкими, но и за болгарскими крестьянами. Но эти реформы носили еще феодальный характер и не привели к коренным изменениям в положении крестьянства. Поземельные отношения продолжали оставаться феодальными, так как сохранялось право собственности турецкого феодального государства на принадлежавшие ему и раньше мирийские земли, составлявшие свыше 80% земельного фонда страны. Сущность феодальных отношений выражалась в сохранении феодальной ренты, совпадавшей с поземельными налогами, на долю которых перед Апрельским восстанием падало свыше 64% всех повинностей крестьянства. Чифликчийские земли, являвшиеся частной собственностью крупных землевладельцев (чифликчиев), составляли 8—9% обрабатываемых земель, а крестьяне, которые их обрабатывали и находились в различных формах феодальной и полуфеодальной зависимости от чифликчиев, составляли 7% болгарского крестьянства. В Кюстендилском и прилегающих к нему округах Юго-Западной Болгарии существовала категория феодально закрепощенного крестьянства (кесимджии).

Формирование капиталистических отношений в сельском хозяйстве выражалось в появившейся специализации отдельных районов: торговое животноводство (Котел, Копривштица, Панагюриште), производство на

³¹ «История на България». Т. I. С. 1954; «История на България». Второ, перераб. изд. Т. I. С. 1961; Д. Косев. Лекции по нова българска история. С. 1951; его же. Новая история Болгарии. Курс лекций. М. 1952.

³² Н. Г. Левинтов. Указ. соч.; Ст. Димитров. Аграрните отношения в България през 50—70-е години на XIX в. С. 1956; его же. За класовото разслоение сред селяните в северо-источна България през 70 години XIX в. «Известия на Института за българска история», 1960, кн. 8; Ж. Натан. Стопанска история на България. С. 1957; Хр. Христов. Някои проблеми на прехода от феодализма към капитализма в историята на България. «ИП», 1961, № 3; его же. Аграрният въпрос и ролята на селяните в българската национална революция. «Априлското въстание. 1876—1966». С. 1966; В. Д. Конобеев. Социально-экономическое положение «свободного» крестьянства в Болгарии в 60—70-х гг. XIX в. «Советское славяноведение», 1969, № 2; «Икономика на България до социалистическата революция». Т. I. С. 1969; Ф. Милкова. Поземелната собственост в българските земи през XIX в. С. 1970, стр. 10—205.

экспорт розового масла в Карлово-Казанлыкской долине, производство винограда, вина и спиртных напитков (Сливен, Свиштов и др.), табака (Дупница, Кырджали, Горна Джумая), деревообрабатывающее ремесло (Батак, Белово и др.). Капиталистическое развитие выражалось также в постепенном увеличении удельного веса наемного труда в цифликах, в капиталистическом в основе своей принципе организации артелей огородников, жнецов и т. д., создававшихся чорбаджиями. Все это вело к постепенному укреплению экономических позиций чорбаджийства и других прослоек сельской буржуазии, которая соединяла сельскохозяйственное производство с переработкой на своих предприятиях продукции земледелия и животноводства, с торговлей и ростовщичеством. Однако все эти зарождавшиеся формы капиталистического развития носили уродливый характер в силу господства в стране феодальных отношений, политического бесправия населения и неслыханных злоупотреблений турецкой администрации. Опираясь на множество источников, советские и болгарские историки убедительно показали, что с 1856 до 1876 г. размеры налогов с крестьянства увеличились более чем в три раза. С каждым годом возрастали принудительные государственные повинности по строительству шоссейных дорог, подъездных путей к железнодорожным станциям и т. д., отнимавшие у крестьян свыше 40 дней в году и совпадавшие чаще всего с летним периодом полевых работ. В 1874—1875 гг. Болгария пережила тяжелые годы засухи, приведшие к массовому падежу скота и разорению крестьянства. Последнее усугублялось жестокими мерами, применявшимися администрацией при сборе налогов.

Многие историки (Ж. Натан, Н. Тодоров, К. Косев и др.)³³ значительное внимание уделяли исследованию развития ремесленного, мануфактурного и зарождавшегося фабрично-заводского производства, транспорта и торговли. Они показали, что реакционный характер турецкого господства в Болгарии сильнее всего отразился на развитии промышленности, переживавшей перед Апрельским восстанием глубокий кризис. Основную массу промышленной продукции продолжало давать цеховое ремесло, сохранявшее полуфеодалный характер. Мануфактурное производство, получившее наибольшее развитие в отраслях, связанных с переработкой продукции земледелия и животноводства, полностью находилось в руках торгово-промышленной буржуазии. Основной формой мануфактурного производства была рассеянная мануфактура, которая охватывала десятки тысяч крестьян и ремесленников, выполнявших работу по заказу мануфактуристов.

Сохранение турецкого феодального господства, политическое бесправие и неуверенность непосредственного производителя в неприкосновенности своего имущества вели к тому, что чорбаджийство и другие прослойки буржуазии предпочитали вкладывать капитал не в промышленность, а в торгово-ростовщические операции. Все это было главной причиной слабого роста фабрично-заводской промышленности. До конца 70-х годов XIX в. было создано только 20 фабрик и заводов, на которых работало 1264 человека. Большинство этих предприятий действовало очень короткое время. Более длительное время существовали предприятия нескольких чорбаджиев (братья Гюмюшгерданы, Стефан Карагъзов), которые были поставщиками турецкой армии и пользовались под-

³³ Ж. Натан. Стопанска история на България, стр. 149—209; Хр. Гандев, Н. Тодоров. Из истории развития капитализма в Болгарии в период турецкого ига. «Вопросы истории», 1957, № 5; Н. Тодоров. Понякои въпроси за икономическото развитие и за зараждането на капитализма в български земи под турското владичество. «ИП», 1961, № 6; его же. Балканският град XV—XIX вв. Социално-икономическо и демографско развитие. С. 1972; К. Косев. За капиталистическото развитие на българските земи.; «Икономиката на България». Т. I, стр. 228—254, 263—276; С. С. Гринберг. Болгарские фабрики в период национального возрождения. «Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время». М. 1974, стр. 32—43, и др.

ной поддержкой администрации. На их предприятиях уродливо сочетались полукапиталистические и полуфеодалные методы эксплуатации наемных рабочих, крестьян и ремесленников.

Большое внимание историки уделяют процессу превращения Османской империи в полуколонию западноевропейских капиталистических государств. Промышленная продукция последних быстро вытесняла болгарские товары с рынков империи и самой Болгарии. Это вело к массовому разорению ремесленников, части мануфактуристов и работавших по их заказу крестьян. Разорению городской мелкой буржуазии способствовал также дальнейший рост налогового бремени. Справедливо утверждение В. Д. Конобеева, что налоговая система в промышленности также сохраняла свою феодальную сущность, представляя собой трансформированную феодальную ренту³⁴. По подсчетам Ж. Натана, к моменту Апрельского восстания в Болгарии было свыше 100 тыс. безработных из числа разорившихся ремесленников, подмастерьев, учеников и крестьян, работавших по заказу мануфактуристов³⁵. По данным Н. Тодорова, разорившиеся ремесленники, наемные рабочие, слуги и поденщики составляли в некоторых городах до 10% населения, а в г. Шумена только городская беднота составляла свыше 2% населения³⁶.

Серьезные трудности переживала внутренняя торговля Болгарии, страдавшая от произвола турецкой администрации, собиравшей многочисленные пошлины и поборы, размер которых на товары болгарского производства достигал 20—25% их стоимости. Значительно сокращался и объем внешней торговли, находившейся в руках болгарских фирм, развивавших свою деятельность за пределами Османской империи³⁷.

Советские и болгарские историки единодушны в том, что главным препятствием на пути нормального экономического развития Болгарии было господство турецкого феодального государства, которое, по словам В. Коларова, «было несовместимо с каким бы то ни было экономическим и социальным прогрессом»³⁸. Убедительно доказано, что все более усиливавшийся кризис верхов, застой в экономическом развитии, дальнейшее ухудшение положения трудящихся масс ускоряли складывание революционной ситуации в Болгарии³⁹. Вооруженное восстание против турецкого господства, как писал Г. Бакалов еще в 1938 г., «должно было произойти, потому что болгарский народ не имел и не мог иметь других средств для разрешения исторически возникшей задачи: национальной независимости. Его апрельский характер (то есть то, что оно вспыхнуло в апреле.— С. С.) был плодом «случая», но само оно — как единственное средство для освобождения народа — было исторической необходимостью»⁴⁰.

Большое внимание советские и болгарские историки уделяли исследованию классового состава болгарского общества, расстановке сил в национально-освободительном движении и определении движущих сил Апрельского восстания. Однако в решении этих вопросов отдельные ис-

³⁴ В. Д. Конобеев. Българското националноосвободително движение. Идеология, програма, развитие. С. 1972, стр. 44.

³⁵ Ж. Натан. Българското възбуждане. С. 1950, стр. 188.

³⁶ Н. Тодоров. К вопросу о городской бедноте Шумена в середине XIX в. «Славянский сборник». М. 1966, стр. 120—122.

³⁷ «Икономиката на България». Т. I, стр. 254—263; Д. Косев, В. Дикулеску, В. Паскалева. За положението и стопанската дейност българската емиграция във Влашко през XIX в. (До Рускотурската война 1877—1878 гг.). «Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изследвания». Т. I. С. 1965.

³⁸ «Речь министра В. Коларова. По случаю 70-летия освобождения Болгарии». С. 1948, стр. 7.

³⁹ В. П. Чорний. К вопросу о возникновении революционной ситуации в Болгарии... стр. 120—128; С. И. Сидельников. Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії середини 70-х років XIX ст. «Питання нової та новітньої історії». Вип. 20. Київ. 1975.

⁴⁰ Г. Бакалов. Избрани исторически произведения, стр. 318.

торики придерживаются пока разных точек зрения. До конца 50-х годов шла дискуссия о классовом характере чорбаджийства. Ж. Натан в ряде работ, включая и обобщающий труд по истории болгарского возрождения, доказывал, что «в эпоху возрождения сложились и окрепли основные общественные группы: торговцы и промышленники, чорбаджии и крестьяне. Торговцы и промышленники представляли новый класс — буржуазию»⁴¹. Следовательно, чорбаджийство он выделял в особый от буржуазии класс, тесно связанный с военно-феодальной системой Османской империи, господствовавшей в Болгарии⁴². Некоторые колебания в этом вопросе допускали П. Зарев⁴³, Н. Г. Левинтов, А. С. Ерихонин и некоторые другие болгарские и советские историки.

Однако уже тогда в статьях Д. Косева, С. И. Сидельникова, Хр. Христова и в некоторых обобщающих работах по истории Болгарии⁴⁴ была обоснована другая точка зрения, которую в настоящее время разделяет большинство историков и которая сводится к следующему. В рассматриваемый период чорбаджийство представляло собой крупную торговую-ростовщическую буржуазию. Она занималась прежде всего торговлей, ростовщическими операциями, откупом налогов, поставками продовольствия в крупные города Османской империи. Это было характерно как для сельских, так и для городских чорбаджиев. Сельские чорбаджии были прежде всего крупными землевладельцами и скотоводами, которые одновременно были торговцами и ростовщиками. Они держали в кабале значительные массы болгарского крестьянства. Городские чорбаджии были прежде всего крупными ростовщиками и торговцами, поставщиками турецкой армии, откупщиками налогов. Иногда они вкладывали свои капиталы в мануфактурное и даже фабрично-заводское производство, используя эти предприятия для кабально-ростовщической эксплуатации городских ремесленников, мелких торговцев и крестьян. В ряде исследований и особенно в последней специальной работе Хр. Христова⁴⁵ убедительно показано, что экономическая и политическая деятельность чорбаджиев тесно связывала их с турецким правительством и его администрацией в Болгарии. Последние были заинтересованы в том, чтобы болгарское общинное самоуправление, принимавшее участие в распределении налогов, следившее за выполнением населением различных государственных повинностей, полностью решавшее все вопросы, связанные со строительством и содержанием школ и церквей, находилось в руках верных ему людей. Чорбаджии же использовали эту поддержку для еще большего увеличения своих богатств. «Чорбаджийство,— писал Д. Благоев,— было очень близким к турецким властям и пользовалось у них почетом. Но оно было ненавистно крестьянству и мелкой буржуазии, которые все больше разорялись. Чорбаджийство было против всяких нововведений в Болгарии, особенно против революционного движения»⁴⁶. Историки приводят десятки фактов, подтверждающих, что перед Апрельским восстанием и в ходе его чорбаджии выступали против вооруженной

⁴¹ Ж. Натан. Болгарское возрождение. М. 1949, стр. 149.

⁴² Там же, стр. 153—161; Ж. Натан. Васил Коларов за икономическо и социално развитие на България. С. 1951, стр. 4—10; его же. Идеологията на Христо Ботев. С. 1955, стр. 94—95, 104—105.

⁴³ П. Зарев. Българияското възрждане. Поправ. и допъл. изд. С. 1950, стр. 27—37, 10, 41.

⁴⁴ Д. Косев. Идеалистическо и материалистическо разбирање на българското възрждане. «ИП», 1947/48. № 3; его же. Новая история Болгарии, стр. 243; С. И. Сидельников. До питання про класовий характер чорбаджійства в Болгарії в період турецького панування. «Труди» історичного факультету Харківського університету. Т. 4. 1956; Хр. Христов. Към въпроса за класовите отношения в българското общество през възрждането (происход, социална принадлежност и роля на чорбаджии). «Известия» на Института за българска история, т. 21, 1970, и др.

⁴⁵ Хр. Христов. Българските общини през възрждането. С. 1973, стр. 21—32, 83—87, 106 и др.; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 46—51.

⁴⁶ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България, стр. 46—51.

борьбы и становились на путь открытого предательства в отношении повстанцев⁴⁷.

Нет единого мнения и в определении позиции средней торгово-промышленной буржуазии в Апрельском восстании. Т. Павлов начиная с 1939—1940 гг. доказывает, что средняя буржуазия занимала в национально-освободительном движении колеблющуюся, непоследовательную позицию⁴⁸. Ходом исторического развития она выдвигалась на роль гегемона антифеодальной национально-демократической революции. Однако, «когда на повестку дня был поставлен вопрос о нашем общенародном, антифеодальном и национальном восстании,— пишет Т. Павлов,— наша, формировавшаяся тогда буржуазия, за небольшим исключением, испугалась его и фактически отказалась от собственной своей гегемонии в своей собственной буржуазной, антифеодальной и национальной революции»⁴⁹.

Большинство историков поддерживает эту точку зрения при определении политических позиций средней торгово-промышленной буржуазии, которой принадлежала решающая роль в организации ремесленного, мануфактурного и зарождавшегося фабрично-заводского производства. Постепенно усиливавшийся кризис Османской империи, задерживавший экономическое развитие страны, вызывал ее недовольство. Поэтому, будучи заинтересованной в развитии производительных сил, она принимала активное участие в болгаро-греческой церковной борьбе, создании национальной школы и национальной культуры. Политически она составляла основу либеральных группировок, стремившихся при помощи России и соседних балканских государств добиться автономии или полной государственной независимости. В работах Т. Павлова, Д. Косева, М. Димитрова, А. Бурмова и других историков убедительно показано, что с завоеванием церковной независимости и созданием епархии (1870—1872 гг.), которая, по выражению Д. Благоева, «постепенно стала гнездом консерватизма и реакционности, все больше приспособливаясь к турецким властям и все больше вдохновляясь взглядами и стремлениями чорбаджийства и части крупной буржуазии»⁵⁰, внутри торгово-промышленной буржуазии стали усиливаться умеренные группировки. Они продолжали рассчитывать на помощь России в деле завоевания политической независимости. Но в своей практической деятельности они сосредоточивали внимание на дальнейшем росте просвещения и борьбе за проведение турецким правительством реформ, которые облегчили бы экономическое развитие страны⁵¹. В работах В. Коларова, исследованиях историков убедительно показано, что даже те наиболее прогрессивные буржуазные группировки, которые в конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. примыкали к Болгарскому революционному центральному комитету в Бухаресте, в этот период эволюционировали вправо. Они стремились использовать свое влияние в эмигрантских революционных комитетах, чтобы захватить руководство революционным движением и добиться

⁴⁷ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 94, 114—116, 126, 132, 165—166; Л. Меченов. Предателска роля на много български чорбаджии през Априлското въстание 1876 г. в някои селища на четвърти Панагюрски революционен окръг. «Летопис на Панагюрски край», 1966, май, стр. 13—20; В. П. Чорний. Реакційна роль чорбаджийства... стр. 98—116; С. А. Никитин. Указ. соч., стр. 31—32, 35—38.

⁴⁸ Т. Павлов. За марксистеска история на България... стр. 19—22, 126—129; его же. Христо Ботев. Поет, критик и философ. С. 1940, стр. 58—59, и др.

⁴⁹ Т. Павлов. Към въпроса за нашата научна история и поспециално за историята на Априлското въстание... стр. 126.

⁵⁰ Д. Благоев. Принос към история на социализма в България, стр. 19.

⁵¹ М. Димитров. За идеологията на Любен Каравелов и неговото място в революционното движение «Известия» на Института Ботев-Левски. Кн. II. 1956; его же. Академик Т. Павлов за идеологията на Любен Каравелов. «ИП», 1963, № 3; Д. Шелудко. Социально-икономическите проблеми у Ботева и в съвременната нему българска журналистика. «Известия на Института Христо Ботев». Кн. I. 1954, стр. 235—238; К. Косев, Н. Жечев. Указ. соч., стр. 19—25, 63—87.

ся освобождения Болгарии при помощи сочетания внешнеполитического маневрирования с вооруженными выступлениями болгарского народа⁵².

Встречаются и некоторые отклонения от этой общепризнанной точки зрения. Отдельные болгарские историки склонны преувеличивать роль городской и сельской средней буржуазии в подготовке и проведении восстания. К. Косев и Н. Жечев утверждают, что «основную руководящую и движущую силу болгарской национальной, антифеодальной революции составляла болгарская средняя и мелкая торгово-промышленная и сельская буржуазия»⁵³. Хр. Йонков стремится доказать, что вся болгарская буржуазия участвовала в восстании, часто занимая руководящее положение в революционных комитетах, что, по его мнению, является показателем буржуазного характера движущих сил болгарской национальной революции и Апрельского восстания. Вопреки множеству фактов, достоверность которых не подвергается сомнению, он считает, что «тезис о предательской роли крупной сельской буржуазии опровергается всем ходом восстания в IV революционном округе»⁵⁴. Значительные элементы преувеличения роли сельской буржуазии содержатся и в работе Д. Димова, посвященной подготовке и ходу Апрельского восстания в с. Мусина и ряде соседних с ним сел Великотырновского округа⁵⁵. Отдельные представители средней буржуазии действительно были представлены в руководстве Гюргевского ЦК и революционных комитетов некоторых городов и сел. Однако выдвигание средней буржуазии на роль основной движущей силы не соответствует фактическому соотношению сил, которое складывалось в Болгарии в ходе восстания. Поэтому оно не поддерживается подавляющим большинством исследователей.

Основную массу городского населения, как показали исследования Н. Тодорова, С. А. Никитина, Ж. Натана и других⁵⁶, составляла городская мелкая буржуазия — ремесленники, мелкие торговцы, владельцы постоянных дворов и т. д. Значительная часть этого населения продолжала сохранять связь с земледелием и скотоводством. Подавляющее большинство городской мелкой буржуазии находилось в тяжелом экономическом положении в связи с массовым разорением ремесленного и мануфактурного производства, увеличением налогового бремени, упадком внутренней торговли. Поэтому мелкая буржуазия видела в турецком господстве главную причину своих бедствий и принимала активнейшее участие в национально-освободительной борьбе. Вместе с крестьянством она составляла основную движущую силу восстания.

Все исследователи Апрельского восстания и предшествовавшего ему революционного движения единодушны в оценке роли крестьянства в этих событиях. Крестьяне составляли подавляющее большинство болгарского населения, они подвергались наиболее жестокой эксплуатации со стороны турецкого феодального государства, крупных турецких землевладельцев, мусульманской церкви и чорбаджиев. Исследования последних лет показали, что основная масса крестьянства была лично свободна и представляла собой держателей государственных и вакуфных земель

⁵² В. Коларов. Върху Априлското въстание... стр. 573; А. Бурмов. Кризата в Българския революционен централен комитет през есента 1875 г. и създаването на Гюргевския централен комитет. «ИП», 1957, № 2, стр. 41—42, 47—48; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 79—85, 94—97, 106—108; С. И. Сидельников. Борьба течий у Болгарському революційному центральному комітеті до початку Старозагорського повстання (травень 1873 — вересень 1875 р.). «Укр. сл.», 1973, вип. 8, стр. 83—91, и др.

⁵³ К. Косев и Н. Жечев. Указ. соч., стр. 25.

⁵⁴ Хр. М. Йонков. Брой, социален състав, място и роля на оборищенци в Априлското въстание през 1876 година «Оборищенци. Сборник от исторически очерци за народните представители на Оборище през 1876 година». С. 1972, стр. 29, 30.

⁵⁵ Д. Димов. Мусинската република. Страници от революционната история на с. Мусина. Търновско. С. 1963, стр. 39—132.

⁵⁶ Н. Тодоров. Балканският град XV—XIX вв., стр. 301—303, 329—332, 353—390; С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е гг. XIX в. М. 1970, стр. 10—59; П. Зарев. Указ. соч., стр. 99—111, и др.

на правах наследственных арендаторов. Крестьяне же, владевшие земельными участками на правах наследственной частной собственности, а также находившиеся в различной форме феодальной зависимости от чифликчиев кесимджии и другие категории крестьянства составляли меньшинство. Болгарские историки единодушно утверждают, что крестьянство как класс было недовольно турецким господством. Поэтому оно боролось за то, чтобы получить в наследственную собственность свои земли, освободиться от эксплуатации турецких феодалов, тяжелых налогов и повинностей в пользу государства. Крестьяне не видели другого средства ликвидации турецкого феодального и национального гнета, кроме решительной революционной борьбы⁵⁷. «Вот почему крестьяне, кровно заинтересованные в устранении турецкого рабства,—отмечал Т. Живков,—являлись основной движущей силой нашего национально-освободительного движения, нараставшей в 60-е—70-е годы прошлого века буржуазно-демократической революции в Болгарии»⁵⁸.

Вопрос о положении предпролетариата перед Апрельским восстанием, по существу, не был еще предметом специального исследования. Тем не менее в работах Н. Тодорова, Ж. Натана и некоторых обобщающих трудах содержатся данные о том, что в городах и селах Болгарии имела значительная прослойка бедноты. Это была наиболее обездоленная и эксплуатируемая часть болгарского народа, которая постепенно числом увеличивалась в связи с разорением крестьян, ремесленников и мелких торговцев. Предпролетариат не имел еще собственной программы борьбы. Но он принимал активное участие в национально-освободительном движении, составляя наиболее решительную и последовательную силу революционно-демократического крыла революционного движения⁵⁹. Подводя итог исследованиям о характере движущих сил Апрельского восстания, Д. Косев справедливо пишет: «Крестьяне вместе с ремесленниками и городскими трудящимися были главной движущей силой болгарской национальной революции»⁶⁰.

Недостаточно еще изучена деятельность Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК). Имеются, правда, многочисленные исследовательские и научно-популярные биографические работы о Л. Каравелове, Хр. Ботева и П. Хитове⁶¹, а также специальные статьи, посвященные их мировоззрению и борьбе течений в среде болгарской эмиграции в конце 1875 — начале 1876 года⁶². В этих монографиях и на-

⁵⁷ Г. Бакалов. Заветите на българското възраждане; Хр. Христов. Аграрният въпрос.; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 7—12, 17—20; В. Д. Конобеев. За аграрната програма на българските революционери през 60—70-е години на XIX в. «ИП», 1971, № 3.

⁵⁸ Т. Живков. 80 години от обесването на великият български революционер-демократ Васил Левски. «Работническо дело», 20. II. 1953.

⁵⁹ Н. Тодоров. Балканският град XV—XIX вв., стр. 360—378 и др.; М. Димитров. Народните маси в България през епоха на възраждането—начало на българската демокрация. «Философска мисъл», 1947, № 2, стр. 51—63; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 21—27, 61.

⁶⁰ «Априлското въстание. 1876—1966», стр. 10.

⁶¹ М. Димитров. Христо Ботев. Идеи, личност, творчество. С. 1919, стр. 115—235; второ, перераб. изд. С. 1946, стр. 120—246; его же. Христо Ботев. Биография. С. 1948, стр. 107—159; его же. Л. Каравелов. Биография. С. 1959, стр. 248—390; Н. Державин. Христо Ботев. Поэт-революционер. М.—Л. 1948, стр. 32—50; И. Унджиев. Христо Ботев. С. 1956, стр. 26—64; П. Шестаков. Христо Ботев — великий болгарский революционер и мыслитель. Рязань. 1959, стр. 27—96; Л. В. Воробьев. Христо Ботев. М. 1953, стр. 99—141; его же. Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. М. 1962, стр. 175—208; его же. Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. М. 1963, стр. 240—265; К. Н. Державин. Христо Ботев. М. 1962, стр. 275—296; К. Косев. Панайот Хитов. С. 1961, стр. 135—180; Г. Константинов. Л. Каравелов. С. 1950, стр. 112—124, и многие другие.

⁶² М. Димитров. Введение в кн.: «Съчинения на Христо Ботев». Т. I. С. 1945, стр. 27—179; его же. К вопросу об идеологии Л. Каравелова. «УЗИС», т. XVI, 1958, стр. 100—129; Н. Кондарев. Идеологията на Любен Каравелов. С. 1957, стр. 230—264; Л. С. Ерихонов. Мировоззрение Любена Каравелова. «УЗИС», т. XV, 1957, стр.

учно-популярных трудах прослежен процесс окончательного отхода Л. Каравелова от активной революционной деятельности и переход его на позиции либерально-буржуазного просветительства. Значительное внимание уделяется в этих работах внутривосточной борьбе в среде эмигрантов. Большинство историков отмечает, что после поражения вооруженных выступлений 1875 г. в эмиграции наблюдался процесс дальнейшего усиления влияния группировок либеральной буржуазии, которые отрицательно относились к идее самостоятельного вооруженного выступления болгарского народа. Все их расчеты строились на военной и дипломатической помощи России и Сербии. Вооруженное восстание в Болгарии и переход туда болгарских повстанческих отрядов, созданных на территории Румынии и Сербии, они считали допустимыми только в случае возникновения войны России, Сербии и Черногории против Турции.

Очень бегло и эпизодически рассматривается в этих трудах и история БРЦК, его практическая, организационная деятельность, численный и социальный состав в тот период. Краткий очерк истории БРЦК за все годы его деятельности дан лишь в монографии А. Бурмова⁶³. Большой интерес представляют статьи этого же автора, в которых впервые в марксистской исторической науке детально исследованы причины кризиса в БРЦК, приведшего к его распаду после отставки Хр. Ботева 30 сентября 1875 года. Вместе с болгарским историком М. Димитровым (1881—1966 гг.) и советским ученым С. А. Никитиным А. Бурмов отказался от весьма распространенного объяснения этого кризиса как результата ухудшения личных взаимоотношений между Л. Каравеловым и Хр. Ботевым. А. Бурмов убедительно показал, что кризис в БРЦК возник в результате обострения противоречий между либерально-буржуазными, буржуазно-радикальными и революционно-демократической группировками в болгарском национально-освободительном движении в условиях дальнейшего революционного подъема на Балканах, включая и Болгарию. Он специально отмечал то обстоятельство, что в тот период во многих болгарских революционных комитетах в Румынии решающую роль стали играть представители средней буржуазии, которые не желали мириться с преобладанием революционно-демократического течения в БРЦК, возглавлявшемся Хр. Ботевым. Поэтому они постоянно саботировали все его мероприятия. Среди других причин кризиса он указывал также на поражение вооруженных выступлений сентября 1875 г. в Болгарии, нерешительную позицию буржуазной группировки С. Стамболова в ЦК, колебавшейся в сторону либеральной группировки К. Цанкова, и просербскую линию П. Хитова, который пользовался значительным авторитетом среди революционеров⁶⁴.

Важное уточнение внес А. Бурмов в объяснение отставки Хр. Ботева 30 сентября 1875 года.

Биографы Хр. Ботева дают разные объяснения этому факту. М. Димитров доказывал, что главная причина отставки заключалась в противоречиях Хр. Ботева с группой П. Хитова, которая стремилась подчинить болгарское национально-освободительное движение интересам Сербии⁶⁵. Это положение потом было воспринято некоторыми биографами Хр. Ботева. А. Бурмов выдвинул другое предположение. По его мнению, глав-

189—206; В. П. Ч о р н и й. Болгарска емиграция... стр. 86—102; Н. Г е н ч е в. Одеско настоятельство в борбите за освобождението на България (1859—1878). «ИП», 1972, № 6, стр. 11—34, и др.

⁶³ А. Б у р м о в. Български революционен централен комитет. 1868—1876. С. 1943, стр. 153—165.

⁶⁴ Там же, стр. 143—153; А. Б у р м о в. Нарастване на революционния подъем сред българския народ през 1875—1876 г. «ИП», 1950, № 1, стр. 82—91; е г о ж е. Кризата в БРЦК... стр. 41—53.

⁶⁵ М. Д и м и т р о в. Хр. Ботев. Биография. С. 1948, стр. 140—143.

ной причиной отставки Хр. Ботева было его несогласие с тактикой разобщенных, слабо подготовленных вооруженных выступлений, выдвигавшейся С. Стамболовым и его сторонниками. В позднейших статьях он подошел к решению этого вопроса комплексно и доказывал, что причины отставки Хр. Ботева полностью совпадали с причинами, приведшими к кризису БРЦК⁶⁶. Эта точка зрения и стала с конца 50-х годов общепринятой в исторической науке.

При изложении событий, связанных с созданием и деятельностью Гюргевского ЦК (ноябрь — декабрь 1875 г.), который разработал план Апрельского восстания, А. Бурмов следовал в основном за рассказом Д. Т. Страшимирова и Н. Обретеннова. Он утверждал, что Гюргевский комитет вел свою работу в тесном контакте с Хр. Ботевым и «по существу защищал его революционные принципы и удерживал революционное движение на той высоте, на которую он его поставил»⁶⁷. Другие болгарские историки специально не занимались исследованием истории Гюргевского комитета, но, кратко рассматривая разработанный им план Апрельского восстания, определяли его как революционно-демократический⁶⁸. В советской историографии С. А. Никитин впервые выдвинул положение, что «подавляющее большинство членов комитета были выходцами из буржуазной среды или принадлежали к мелкобуржуазной интеллигенции. Лишь двое (Хр. Карамников и Г. Бенковский) были ремесленниками»⁶⁹.

В. П. Чорний считает, что нет никаких оснований для того, чтобы группе буржуазных деятелей во главе с С. Стамболовым, стоявшей на буржуазно-радикальных позициях, присваивать название центрального комитета. Поэтому он сам называет его Гюргевским комитетом. В. П. Чорний доказывает, что руководящая группа комитета (С. Стамболов, С. Заимов, И. Драгостинов) своим нежеланием сотрудничать с вождем революционно-демократического течения Хр. Ботевым, отрывом от основной массы болгарской революционной организации, разработкой планов восстания, в успех которого она не верила, «фактически встала на путь авантюризма». Анализируя план восстания, разработанный комитетом, он особо подчеркивает то обстоятельство, что «Гюргевский комитет не стремился придавать восстанию массовый, народный характер, а старался ограничить его действиями внутренних и внешних чет»⁷⁰. Нам кажется, что В. П. Чорний правильно сосредоточил внимание на анализе классового характера комитета, но, стремясь дать объективную оценку С. Стамболову, несколько сгустил краски и без достаточных оснований распространил отрицательную его оценку на некоторых других деятелей комитета, отождествил с авантюризмом недостатки в деятельности комитета и в разработанном им плане, которые объясняются рядом объективных причин. Все же В. П. Чорний вынужден был признать, что в комитет входили и такие революционные демократы, как Г. Бенковский. Он также отметил, что деятельность посланных в Болгарию революционеров развертывалась в условиях назревавшей революционной ситуации, когда народные массы были готовы подняться на вооруженную борьбу. В этих условиях решения Гюргевского комитета объективно сыграли положительную роль в подготовке восстания.

В Болгарии опубликовано большое число научно-популярных биографических работ о Г. Бенковском, П. Волове, Т. Каблешкове, И. Драгостинове, В. Петлешкове, Бачо Киро и других виднейших руководителей

⁶⁶ А. Бурмов. Кризата в БРЦК... стр. 41—42, 48—57.

⁶⁷ Там же, стр. 64.

⁶⁸ См. К. Косев, Н. Жечев. Указ. соч., стр. 48.

⁶⁹ С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии... стр. 23.

⁷⁰ В. П. Чорний. До питания про роль Гюргевського комітету... стр. 78.

восстания⁷¹. В этих работах сравнительно полно раскрывается их мировоззрение, приведен значительный фактический материал, уточняющий состав и деятельность некоторых местных революционных комитетов, ход подготовки восстания и оборонительных боев. Существенных противоречий в оценке названных деятелей в литературе нет. Исключение составляет только С. Стамболов. Н. С. Державин, С. А. Никитин, В. П. Чорний и другие советские историки, признавая активное участие С. Стамболова в революционном движении, убедительно показали, что он был типичным буржуазным революционером, который отрицательно относился к активной революционной деятельности народных масс, недооценивал руководящую роль революционной организации для всесторонней подготовки восстания, рассчитывал внезапным выступлением заставить турецкие власти врасплох. Поэтому в его деятельности преобладали карьеристские, диктаторские замашки и стремление добиться освобождения Болгарии при помощи иностранного вмешательства⁷².

Хр. Гандев, Д. Димов и другие болгарские историки в результате тщательного изучения революционных выступлений 1876 г. в Тырновском революционном округе пришли к выводу, что поведение С. Стамболова было не достойным руководителя. Заботясь только о самосохранении, будущий реакционный диктатор Болгарии весь период подготовки и хода восстания жил изолированно от участников революционного движения в с. Самоводен. С первых дней восстания он полностью порвал связи с революционерами, не допустил присоединения с. Самоводен к восставшим, чтобы обеспечить себе безопасное укрытие до августа 1876 г. и беспрепятственную эмиграцию в Румынию⁷³. К. Косев и Н. Жечев, склонные несколько преувеличивать заслуги С. Стамболова в подготовке восстания, все же признают, что полная его бездеятельность помешала революционерам округа создать единое централизованное руководство⁷⁴. Нам представляется поэтому ошибочной позиция К. А. Поглубко, который оценивает С. Стамболова как виднейшего представителя революционно-демократического течения в болгарском национально-освободительном движении перед освобождением и как ближайшего соратника Хр. Ботева⁷⁵.

Самым ярким вооруженным выступлением в Тырновском революционном округе была оборона Дряновского монастыря, возглавлявшаяся попом Харитоном, учителем Бачо Киро и офицером русской службы П. Пармаковым. Подвигу этой четы были посвящены многочисленные научно-популярные работы. Наибольший интерес представляет исследование О. Маждраковой⁷⁶, в котором приведен хорошо проверенный и

⁷¹ С. Чилингиров. Панайот Волов. С. 1940; М. Велева. Георги Бенковски. С. 1953; Д. Костов. Иларион Драгостинов. С. 1954; Н. Горненски. Георги Бенковски. С. 1955; Л. Стоянов. Бенковски. Романизован живот. С. 1958, 1964; Т. Теофилов. Панайот Волов. С. 1959; его же. Тодор Каблешков. С. 1956; С. Загорчинов. Тодор Каблешков. С. 1961; И. Ванчев. Георги Измириев Македончето. С. 1966; Г. Крънзов. Васил Петлешков. С. 1969; «Бачо Киро. Сборник по случай 130 години от рождението му. 1835—1965». Велико Търново. 1967.

⁷² Н. С. Державин. История Болгарии. Т. IV, стр. 161, 169—170; С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии, стр. 19—24; В. П. Чорний. До питання про роль Гюрювського комітету..., стр. 41—48; К. Н. Державин. Христо Ботев..., стр. 285, 288, и др.

⁷³ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 88, 140—141; Д. Р. Димов. Указ. соч., стр. 45—46, 77—78, 88 и др.

⁷⁴ К. Косев, Н. Жечев. Указ. соч., стр. 38—41, 116.

⁷⁵ См. К. А. Поглубко. Болгаро-русские революционные связи в 60—70-х годах XIX в. Автореф. канд. дисс. Кишинев. 1969, стр. 204—212, 339—379, 399—402; его же. Очерки истории болгаро-русских связей (60—70-х гг. XIX ст.). Кишинев. 1972, стр. 188—211, 221—223, 241—249; его же. К вопросу о революционной деятельности С. Стамболова и его связях с народниками (середина 70-х гг. XIX ст.). «В помет на академик Михаил Димитров». С. 1974, стр. 571—585.

⁷⁶ О. П. Маждракова. Четата на поп Харитон. 1876. С. 1963; А. Цветков. Отбраната на Дряновски манастир. С. 1960.

уточненный список четы попа Харитона с указанием места жительства, возраста, социального происхождения и положения каждого ее участника. По социальному составу в нее входило: 78% крестьян, 9% ремесленников, 13% учителей, священников и т. д. (стр. 46). Составление таких тщательно проверенных списков имеет большое значение для исследования движущих сил восстания. Заслуживает внимания и сборник статей, посвященный 90-летию Апрельского восстания в Габровском и Севлиевском округах, входивших в Тырновский революционный округ⁷⁷. В нем хорошо показаны героизм крестьян сел Батошево, Крывеник, Ново Село, деятельность Габровской и Трявненской чет, предательство чорбаджиев и колебания средней буржуазии, примкнувшей к восстанию. История революционного движения во Врачанском округе рассматривается в работе И. Ангелова. Автор попытался объяснить, почему в этом округе не произошло восстания даже после высадки четы Хр. Ботева, и справедливо выдвигал в качестве одной из главных причин преобладание в руководстве Врачанского комитета либерально-буржуазных элементов. Однако едва ли можно согласиться с резко отрицательной оценкой деятельности возглавившего тут подготовку восстания С. Заимова, на которого он возлагает основную вину за неудачу выступления в этом округе⁷⁸.

По истории восстания в четвертом повстанческом округе, фундаментально разработанной Д. Т. Страшимировым, можно отметить только работы К. Гылыбова и Н. Жечева о восстании в селе Перушница⁷⁹. Однако с точки зрения фактического материала они мало что прибавляют к уже упоминавшейся работе И. Кепова. Правда, во втором издании книги К. Гылыбова и особенно в книге Н. Жечева несколько больше внимания уделяется колеблющейся позиции средней буржуазии и предательскому поведению чорбаджийства в ходе восстания. Большой интерес представляет сборник небольших научно-популярных очерков о делегатах первого в истории Болгарии народного собрания в Обориште⁸⁰, где дан уточненный список участников собрания и населенных пунктов, которые они представляли. Во вступительной статье редактора и составителя сборника Хр. Йонкова сделана попытка определить численный и социальный состав собрания. Однако, как уже указывалось выше, автор вводящей статьи преувеличивает роль буржуазии.

Наибольших успехов достигла советская и болгарская историческая наука в исследовании истории создания четы Хр. Ботева, анализе ее состава, хода вооруженной борьбы, которую она вела на территории Болгарии с превосходящими силами противника, и ее разгрома после гибели ее вождя — великого болгарского революционного демократа и социалиста-утописта. Прежде всего необходимо отметить серьезный вклад, внесенный в изучение этой проблемы А. Бурмовым⁸¹, который, заново изучив многочисленные документальные, мемуарные и другие источники, отбросил множество легенд, созданных вокруг этого периода деятельности Хр. Ботева З. Стояновым, С. Заимовым, И. Андоновым, И. Клинчаровым и другими, и заложил научные основы изучения истории формирования и похода четы. Из других работ выделяется статья

⁷⁷ «Априлското въстание в Габровския окръг». Габрово. 1966; И. Унджиев. Троян и неговото участие в националноосвободителното движение. «Град Троян. Юбилеен сборник по случай 100 години от обявяването му за град». С. 1968, стр. 32—59.

⁷⁸ И. Ангелов. Враца и врачани в борбата за освобождение от турско иго. Враца. 1957, стр. 61—69.

⁷⁹ К. Гълъбов. История на въстанието в Перушница. «Годишник» на Софийския университет. Историко-филологически факултет. Кн. XXXV, ч. 2. С. 1940; его же. Въстанието на героична Перушница. Второ поправено и допълнено издание. С. 1965; Н. Жечева. Перушница въстана. С. 1963.

⁸⁰ «Оборищенци».

⁸¹ А. Бурмов. Съдбата на Ботевата чета след смъртта на войводата ѝ. «Христо Ботев». С. 1949; его же. Формиране на Ботевата чета. «ИП», 1956, № 4.

Р. Стояновой⁸², которая исследовала десятки различных списков четы Хр. Ботева, сопоставила их с показаниями других источников и впервые составила научно обоснованный список четы из 205 человек с указанием места рождения и социального происхождения каждого четника, что является серьезным вкладом в изучение заключительного этапа восстания.

Б. Чолпанов, Й. Митев, Цв. Павловска и другие болгарские историки⁸³ уделяют значительное внимание военной подготовке восстания, стратегическим замыслам и тактическим приемам, применявшимся повстанцами, обеспеченности повстанцев вооружением и боеприпасами и т. д. В результате изучения военных действий в Панагюриште, Брацигово, Перушице, Дряновском монастыре, селах Батошево, Кривеник и Ново Село они отмечают, что повстанцы применяли принципы активной обороны с умелым использованием местности, каменных построек, специально сооруженных оборонительных укреплений. Одновременно с этим отмечается, что в основе всех военных планов восставших лежала оборонительная стратегия и тактика, а в ходе боев обнаружилась полная децентрализация военного руководства, разобщенность усилий отдельных повстанческих районов, исключительно слабая военно-техническая подготовка восстания. И все же все историки справедливо приходят к выводу, который наиболее четко выразил Б. Чолпанов: «Наш народ может гордиться достижениями Апрельской эпопеи, которые являются плодом собственного опыта и творчества народных масс, вдохновленных неукротимым порывом к свободе во время неравной борьбы с иностранными завоевателями»⁸⁴.

В советской и болгарской литературе исследованы отклики на Апрельское восстание в России и различных государствах Европы, международное общественное движение протеста против турецких зверств, борьба различных течений общественного мнения и правительственных кругов вокруг Восточного кризиса, дальнейшему обострению которого способствовало Апрельское восстание. В большинстве случаев рассматриваются события, которые разворачивались уже после Апрельского восстания и по своему содержанию были ближе к истории возникновения русско-турецкой войны, чем к Апрельскому восстанию. Исключение составляют работы К. Шаровой и Н. Тодорова⁸⁵. К. Шарова детально проследила взаимосвязи южнославянских народов с Апрельским восстанием, историю переговоров правительства Сербии с умеренно-буржуазными и революционными течениями и группами болгарской эмиграции начиная с осени 1875 г. и до конца мая 1876 года. Н. Тодоров сообщает

⁸² Р. Стоянова. Социален произход и брой на ботевите четници. «Априлското въстание 1876—1966».

⁸³ И. Кинов, Щ. Атанасов, Д. Христов, Б. Чолпанов. Въръжената борба на българския народ срещу османското господство. С. 1961, стр. 264—396; Б. Чолпанов. Встанческата стратегия и тактика през април 1876. «Априлското въстание. 1876—1966 г.г.»; Хр. Ковачев. Военна подготовка и тактика на въстанието в Ново Село, Кривеник и Батошево от Търновския революционен окръг през 1876 г. «Военноисторически сборник» (далее — «ВИС»), 1964, кн. 2; Й. Митев. Встанческите действия на в. Еледжик и дейността на Бенковски през 1876. «ВИС», 1960, кн. 2; е го же. Военни специалисти, участници в Априлското въстание. «ВИС», 1956, кн. 2; Цв. Павловска. Военната подготовка за въстанието през 1876 г. във Врачански революционен окръг. «ВИС», 1972, кн. 2; е го же. Въръжаването на IV Панагюрски революционен окръг за Априлското въстание — 1876 година. «Известия на военноисторическо научно дружество», 1973, т. 15.

⁸⁴ Б. Чолпанов. Указ. соч., стр. 115.

⁸⁵ К. Шарова. Априлското въстание и борбата за освобождение на другите южнославянски народи. «Априлското въстание. 1876—1966»; Н. Тодоров. Априлското въстание и гръцката общественост. Там же. Русско-болгарские взаимосвязи этого периода изучены лучше всего в советской исторической науке (см. об этом: С. И. Сидельников. Святеска и българската историография за руско-българските революционни връзки през 60—70-те години на XIX в. «Проблеми на българската историография след втората световна война». С. 1973).

о неудачной попытке греческого демократа Л. Булгариса оказать помощь болгарским повстанцам в период восстания.

Большое внимание уделяется выяснению причин поражения Апрельского восстания. Они наиболее полно изложены в уже упомянутой работе К. Косева и Н. Жечева. Они сводятся к следующему: турецкая армия и башибузуки имели огромный численный и военно-технический перевес над повстанцами; руководители революционной организации провели недостаточную организационную и военно-техническую подготовку восстания; в ходе военных действий повстанцы придерживались оборонительной, пассивной тактики; в политическом и военном руководстве восстанием не было единства ни между округами, ни внутри каждого округа; представители либеральной буржуазии в революционных комитетах постоянно колебались, а чорбаджийство во всех случаях играло предательскую роль; районы восстания были расположены близко к важнейшим центрам Османской империи, что дало возможность ее правительству в короткое время добиться решающего перевеса сил; неудачи восстания в крупных городах и отсутствие реальной помощи со стороны Сербии и Румынии⁸⁶.

Нам кажется, что при таком объяснении причин поражения восстания недостаточно четко подчеркивается то обстоятельство, что основной причиной поражения восстания было отсутствие вождя революции. Следует согласиться с Т. Павловым в том, что в период Апрельского восстания зарождавшаяся болгарская буржуазия «капитулировала перед своей ролью революционного гегемона. И поэтому из-за отсутствия в то время пролетариата как класса и пролетарской партии наше революционное движение осталось фактически без революционного гегемона, так как крестьяне и ремесленники никогда не играли и не могли играть в силу своей двойственной природы роль революционного гегемона ни в буржуазной, ни в пролетарской революции... Отсутствие революционного гегемона в нашем Апрельском восстании следует рассматривать как первую и главную причину его поражения»⁸⁷.

При исследовании истории Апрельского восстания историки-марксисты всегда уделяли большое внимание его историческому значению для дальнейшего развития Болгарии. Основные выводы, к которым они пришли, можно сформулировать следующим образом: 1) восстание было исторически обусловлено и неизбежно, так как представляло собой единственную реальную возможность уничтожить реакционное турецкое господство и обеспечить болгарскому народу условия для прогрессивного социально-экономического, политического и культурного развития. Поэтому по своему характеру оно являлось антифеодальной, национально-демократической революцией, движущими силами которой были широкие массы крестьянства, ремесленников и других слоев городской мелкой буржуазии, городской и деревенской бедноты⁸⁸; 2) восстание было самым крупным и массовым вооруженным выступлением болгарского народа против турецкого господства, высшей точкой болгарской национально-демократической революции. Оно было подготовлено многолетней деятельностью БРЦК, представлявшего собой революционно-демократическую партию, идеологами и руководителями которой были В. Левский и Хр. Ботев⁸⁹. «Как массовое движение, восстание было пер-

⁸⁶ К. Косев, Н. Жечев. Указ. соч., стр. 140—141, 153—154.

⁸⁷ Т. Павлов. За марксистическа история на България... стр. 129—130.

⁸⁸ Там же, стр. 120, 126, 129; его же. Христо Ботев, стр. 58—60; Ж. Натан. Болгарское возрождение. стр. 141—142; «История Болгарии...». Т. I, стр. 289; Хр. Христов. Аграрният въпрос... «Априлското въстание. 1876—1966», стр. 20—21; С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии, стр. 43—44.

⁸⁹ В. Коларов. Върху Априлското въстание... стр. 574—576; Г. Бакалов. Избрани исторически произведения... стр. 317; Т. Павлов. За марксистическа история на България... стр. 113, 139; Ж. Натан. Болгарское возрождение, стр. 137—140, 146;

вой в национальном масштабе закалкой болгарского народа в школе решительной политической борьбы, в школе образования характера, развития сознания, подготовки к исторической жизни»⁹⁰. «Подвиг восставших показал всему миру, что болгарская нация созрела для независимости и решила завоевать ее»⁹¹; 3) Восстание нанесло тяжелейший удар по разлагавшемуся турецкому феодальному государству, еще более обострило Восточный кризис, ускорив тем самым начало русско-турецкой войны 1877—1878 гг., приведшей к освобождению Болгарии⁹². «Значение Апрельского восстания,— пишет С. А. Никитин,— выходит за пределы его непосредственных результатов и оказывается шире, чем роль простой прелюдии к русско-турецкой войне. Оно является исходным пунктом для последующей совместной борьбы русского и болгарского народов за создание свободного болгарского государства»⁹³.

Подведем итоги. Советские и болгарские историки-марксисты к настоящему моменту наиболее полно исследовали социально-экономические и политические предпосылки Апрельского восстания и расстановку классовых сил в болгарском национально-освободительном движении перед восстанием. Опубликовано несколько научно-популярных работ, в которых излагается вся история восстания. Лучшие других освещены такие события, как формирование и деятельность четы Хр. Ботева, внешнеполитические отклики на Апрельское восстание и ход вооруженной борьбы в некоторых его центрах. Однако до сих пор еще не написан обобщающий марксистский труд по истории восстания. Слабее других изучена деятельность БРЦК и местных революционных комитетов, практически еще не сделано даже попытки определить их численный и особенно социальный состав как в Болгарии, так и в эмиграции. Недостаточно изучена также социально-экономическая программа, выдвигавшаяся руководящими органами восстания и различными течениями, которые принимали в нем участие. Всестороннее исследование этих проблем поможет более глубокому анализу исторического значения Апрельского восстания как высшего этапа болгарского национально-освободительного движения XIX века.

«История Болгарии...». Т. I, стр. 288; Д. Косев. Новая история Болгарии... стр. 145—146; С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии, стр. 45—46.

⁹⁰ Г. Бакалов. Избрани исторически произведения... стр. 319.

⁹¹ Д. Косев. Априлското въстание. «Априлското въстание. 1876—1966», стр. 17.

⁹² Д. Благоев. Принос към история на социализма в България, стр. 43—44; Ж. Натан. Болгарское возрождение... стр. 145—146; «История на България». С. 1954, стр. 474; С. 1961, стр. 470—471; Хр. Гандев. Априлското въстание... стр. 169.

⁹³ С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии, стр. 46.